

Максим Горький

Варвары

Максим Алексеевич Горький

Варвары

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=629115

На дне: Эксмо; Москва; 2009

ISBN 978-5-699-39123-3

Аннотация

Драматическое произведения великого русского писателя.

Впервые напечатано в «Сборнике товарищества „Знание“» за 1906 год, книга девятая, СПб. 1906. В том же году пьеса была издана отдельной книгой издательством Дитца.

Написана пьеса летом 1905 г., предположительно в период от начала июня до сентября, на даче в Куоккале, под Петербургом.

Содержание

Действующие лица	4
Действие первое	6
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Максим Горький

Варвары

Действующие лица

Черкун Егор Петрович, 32 лет, инженер.

Анна Федоровна, 23 лет, его жена.

Цыганов, Сергей Николаевич, 45 лет, инженер.

Богаевская Татьяна Николаевна, 55 лет, домовладелица, дворянка.

Лидия Павловна, 28 лет, ее племянница.

Редозубов Василий Иванович, 60 лет, городской голова.

Его дети:

Гриша, 20 лет

Катя, 18 лет

Притыкин Архип Фомич, под 35 лет, купец, лесопромышленник.

Притыкина Пелагея Ивановна, 45 лет, его жена.

Монахов, Маврикий Осипович, 40 лет, акцизный надзиратель.

Монахова, Надежда Поликарповна, 28 лет, его жена.

Головастик Павлин Савельевич, под 60 лет, мещан

нин.

Дробязгин, 25 лет, служит в казначействе.

Доктор Макаров, 40 лет.

Веселкина, 22 лет, дочь почтмейстера.

Исправник, 45 лет.

Ивакин, 50 лет, садовник и пчеловод.

Лукин Степан, 25 лет, студент, его племянник.

Дунькин муж, под 40 лет, личность неопределенная.

Гогин Матвей, 23 лет, деревенский парень.

Степа, 20 лет, горничная Черкуна.

Ефим, 40 лет, рабочий Ивакина.

Действие первое

Луговой берег реки; за рекою виден маленький уездный город, ласково окутанный зеленью садов. Перед зрителями сад – яблони, вишня, рябина и липы, несколько штук ульев, круглый стол, врытый в землю, скамейки. Вокруг сада – расстрепанный плетень, на кольях торчат валеные сапоги, висит старый пиджак, красная рубаха. Мимо плетня идет дорога – от перевоза через реку на почтовую станцию. В саду направо – угол маленького, ветхого дома; к нему примыкает крытый ларь – торговля хлебом, баранками, семечками и брагой. С левой стороны у плетня – какая-то постройка, крытая соломой, – сад уходит за нее. Лето, время – после полудня, жарко. Где-то дергает коростель, чуть доносится заунывный звук свирели. В саду, на зава чинке под окном, сидит **Ивакин**, бритый и лысый, с добрым, смешным лицом, и внимательно играет на гитаре. Рядом с ним – **Павлин**, чистенький, аккуратный старичок, в поддевке и теплом картузе. На окне стоит красный кувшин с брагой и кружки. На земле у плетня сидит **Матвей** Гогин, молодой деревенский парень, и медленно жует хлеб. С правой стороны, где станция, доносится ленивый и больной женский голос: «Ефим..» Молчание. Слева по дороге идет **Дунысин муж**, человек неопределенного возраста, оборванный и робкий. Снова раздается крик: «Ефим!..»

Ивакин. Ефим... Эй!

Ефим (*идет по саду вдоль плетня.*) Слышу... (*Матвею.*)

Ты чего тут?

Матвей. Ничего... вот – сижу...

(*Третий раз, уже раздраженно, зовут: «Ефим!»*)

Ивакин. Ефим! Что ж ты, братец ты мой...

Ефим. Сейчас... (*Матвею.*) Пошел прочь!.. (*Снимает рубаху с плетня, Дунькин муж кашляет и кланяется ему.*)

А... явился! Чего надо?

Дунькин муж. Из монастыря иду, Ефим Митрич...

Ефим (*идет*). Выгнали? У, дармоеды... черти!

Ивакин (*Ефиму*). А ты, братец, иди, когда зовут... (*Павлину.*) Любит командовать старик...

Павлин. Всякому человеку этого хочется.

Ивакин. А люди – против... люди не желают, чтобы на них зря орали... да...

Павлин. Как ни поступай, одобрения от людей не заслужишь... Однако в строгости все нуждаются.

Ивакин. Этот же самый вальс можно играть на другой манер – вот как. (*Играет.*)

Дунькин муж. О господи! Обругал человек всех видимых и невидимых... а за что?

Матвей. Жарко.

Дунькин муж. И мне жарко, но я терплю молча... Просто – человек, который хоть несколько сыт, уже почитает себя

начальством... Хлеб да соль!

Матвей. Ем да свой...

Дунькин муж. Деревенский? Хорошо в деревнях хлеб пекут.

Матвей. Когда мука есть – ничего, испечь могут... А это – у Ивакина я купил...

Дунькин муж. Скажите! Запах у него однако – как у деревенского... Позвольте мне кусочек... отведать.

Матвей. Самому мало...

(Дунькин муж, вздохнув, двигает губами.)

Ивакин. Вот... можно играть еще медленнее.

Павлин. Говорите – называется это «Вальс сумасшедшего священника»?

Ивакин. Именно...

Павлин. Почему же так? Чувствую в этом некоторый соблазн и как бы неуважение к духовному сану...

Ивакин. Ну, пошел мудрить! Экой ты, Павлин, придира!

Павлин. Напрасно так осуждаете, ибо всем известно, что скелет души моей – смирение... но только ум у меня беспокойный...

Ивакин. Не располагаешь ты к себе, братец мой... вот что!

Павлин. Ибо возлюбил правду превыше всего... На гонения же не ропщу и, будучи в намерениях моих тверд, ничего, кроме правды, не желаю.

Ивакин. Чего тебе желать? Домишко есть, деньжонки

есть... *(Слева слышны голоса, Ивакин смотрит.)* Почтмейстера дочь идет... куда это?

Павлин. Вертихвостка... Пагубного поведения девица...
(Идут Дробязгин и Веселкина.)

Веселкина. Я вам говорю: она была замужем за инженером.

Дробязгин. Марья Ивановна! Отчего у вас такое недоверие к фактам?

Веселкина. Я верю только в то, что знаю...

Дробязгин *(почти с отчаянием)*. Но этот пессимизм совершенно не совпадает с вашей наружностью! Поверьте мне, – муж Лидии Павловны был директором лакричного завода, и она его не бросила, а просто он умер, подавившись рыбьей костью...

Веселкина. Она его бросила, говорю вам!

Дробязгин. Марья Ивановна! У нас в казначействе все известно...

Веселкина. У нас на почте знают больше вашего. Он украл деньги и теперь – под судом... и она сама в это дело запутана, да-с!

Дробязгин. Лидия Павловна? Марья Ивановна! Сама Татьяна Николаевна...

Веселкина. А за то, что вы спорите, вы должны угостить меня брагой...

(Ивакин встает и уходит за угол дома. Павлин берет оставленную им гитару, заглядывает внутрь ее, трогает

струны.)

Дробязгин. Извольте! А все-таки она – вдова!

Веселкина. Да? Хорошо же... Вы увидите...

(Уходят направо.)

Дунькин муж *(негромко).* Слушай... дай кусочек, Христа ради!

Матвей. Что ж ты, чудак, прямо не сказал? Просишь отведать... разве хлеб отведывают?

(В саду является Ивакин, ставит на стол кувшин браги, два стакана и смотрит вдаль.)

Дунькин муж. Стыдно было прямо-то... спасибо!

Ивакин. Павлин! Город-то... красота! Как яичница на сковороде... а?

Павлин. Проведут железную дорогу – все испортят...

Ивакин. Чем испортят? Каркай!

Павлин. Нашествием чужих людей...

(Входят в сад Веселкина и Дробязгин, садятся за стол, пьют брагу и вполголоса разговаривают. Ивакин и Павлин уходят за угол.)

Матвей. Ты кто будешь?

Дунькин муж. Мещанин... из города...

Матвей. У вас мещане богатые... а ты что?

Дунькин муж. А я – ослаб. Разорила меня жена... жена, брат... Сначала – ничего была... жили дружно. Красивая она, бойкая... да. А потом – скучно, говорит, мне. Начала вино пить... и я с ней тоже...

Матвей. И ты?

Дунькин муж. И я... что поделаешь? В распутство она ударилась... Стал я тогда бить ее... да. А она – сбежала... Дочь была у меня... и дочь сбежала на пятнадцатом году...
(Замолчал, задумался.)

Дробязгин (громко). Это неправда, Марья Ивановна! Доктор и Надежда Поликарповна... они оба люди романические...

Веселкина. Т-сс! Тише!

Матвей. Она тоже распутная?

Дунькин муж. Кто?

Матвей. Дочь?

Дунькин муж. Нет... не знаю. Неизвестно мне, где она... Опять же мне вот, пьяному, кто-то внутренности отбил... нездоров я теперь, в работу – не гожусь... да и не умею ничего...

Матвей. Ишь ты... как же ты?

Дунькин муж. Так уж... как придется...

Дробязгин (вскакивает). Марья Ивановна! Это удивительно... и даже ужасно! Вы совсем не верите ни во что светлое...

Веселкина. Не кричать! Вы совсем безумный.

Дробязгин. Нет! Чтобы Лидия Павловна... чтобы исправник...

Веселкина. Сядьте вы...

Дунькин муж. Сегодня инженеры приедут...

Матвей. Дорогу строить?

Дунькин муж. Да... дороги строят, а идти человеку некуда...

Матвей. Работа будет... а? Вот бы... поработать бы!

(В саду является Павлин, он идет к столу, Веселкина видит его.)

Веселкина *(негромко)*. Головастики идет...

Дробязгин. А, мудрец! Что скажете?

Павлин. Желаю доброго здоровья...

Дробязгин. Спасибо...

Павлин. Сейчас через реку городской голова переехал, сюда идет...

Веселкина. Это он инженеров хочет встретить... скажите! Такой гордый старик...

(Ивакин идет, отдуваясь.)

Дробязгин. Да... Что, Иван Иванович, жарко?

Ивакин *(смотрит вдаль налево)*. Да-а...

Павлин. Это ваше нетерпение увеличивает жару... Я вот никого не жду и потому жары не чувствую...

Ивакин. Доктор идет... акцизный...

Веселкина. Кого ж мы ждем? Нам ждать некого.

Павлин. Я не про вас, – это вот он племянника ждет...

Дробязгин. Студента?

Ивакин. Да... Архип Притыкин с ними...

Веселкина. Первый студент в нашем городе. Это очень интересно!

Дробязгин. Не первый уж, Марья Ивановна! Статистик, который застрелился...

Веселкина. Он не кончил учиться...

Павлин. Да, его исключили вон за политическое поведение...

Ивакин (*грубовато*). А застрелился он потому, что ты донос на него написал... а зачем это тебе понадобилось— пес тебя знает! (*Идет прочь.*)

Павлин (*вслед ему*). Вредоносному всегда буду противоречить... Грубого характера человек Иван Иванович! И притом — несправедлив. Мне доподлинно известно, что господин статистик Рыбин от безнадежности своей любви к Надежде Поликарповне застрелился...

Дробязгин. Почему это вам все известно?

Павлин. Потому что я внимателен...

(*Идут с левой стороны по дороге доктор, Монахов и Притыкин. Дунькин муж незаметно исчезает. Матвей встает, кланяется.*)

Притыкин. Нет, доктор, вы меня извините, а какая приятность в том, чтобы рыбу удить, я не могу понять!

Доктор (*угрюмо*). Рыба — молчит...

Монахов. Что вы, батя, вообще, понимаете? Весьма немного... летом — купаться, зимой — в бане париться, — вот все ваши духовные наслаждения...

(*Павлин отходит к завалинке и садится поближе к плетню.*)

Притыкин. Тело человечье любит чистоту...

Дробязгин (*кричит*). А мы уже здесь!..

Доктор (*остановился у плетня*). Спросите браги, Дробязгин...

Дробязгин (*кричит*). Ивакин! Давайте браги, похолоднее, побольше!

Притыкин. Играя в стуколку, приятно обремизить человека...

Монахов. Не спорю...

Притыкин. Опять же – музыка... Когда трубачи действуют, я чувствую себя военным.

Доктор (*Монахову, сумрачно усмехаясь*). Это он льстит вам...

(Дробязгин подходит к плетню и стоит, слушая. Замечено, что ему хочется вступить в разговор, но он не успевает в этом. Веселкина отходит в глубь сада, смотрит на город, тихо напевая.)

Притыкин. Какая мне в этом польза? А что, обучив пожарных музыкальному делу, Маврикий Осипович перед всем городом славу заслужил навеки – или это неверно?

Монахов. Н-да! Могу сказать – потрудился я с ними! Ведь не люди – моржи...

Притыкин. Я теперь, Маврикий Осипович, даже на самовар глядя, вас вспоминаю.

Доктор (*без улыбки*). Разве он похож на самовар?

(Дробязгин смеется.)

Притыкин. Нисколько! Я хочу сказать, что все медное напоминает мне про вас...

Доктор. Он вас изувечит похвалами...

Притыкин. То есть про ваши труды в музыке...

Монахов. Что это вы, батя, так сладко поете, а?

(Ивакин принес брагу, идет к плетню.)

Притыкин. Ежели я и пою, то как жаворонок, безо всякой корысти... А что доктор насмехается, так он лицо мрачного характера и, кроме рыбы, ничего не любит...

Монахов *(смотрит в сторону)*. А дамы наши, видно, устали: вон – едва идут...

Дробязгин. Татьяне Николаевне всех труднее при их полноте и годах...

Ивакин. Пожалуйте брагу кушать...

Доктор. Ну, кругом я не пойду... *(Шагает через плетень.)*

Монахов. А Лидия Павловна к нашей компании интереса не чувствует...

Дробязгин. Дама светская... гордого образа жизни...

Притыкин. Хорошо она на лошади скачет...

Монахов. Н-да-а! Это, батя, она умеет...

Притыкин. Вот, о приятном говоря, женский пол забыли мы, а что может быть приятнее? Я, конечно, не про супругу мою говорю...

Монахов *(смеясь)*. Идемте, Фомич, брагу пить...

(Идут вдоль плетня.)

Притыкин. Однако времени немало, пора бы уж почти быть... Посмотрим, каковы они, строители-то...

Монахов. Н-да, интересно... Картежники, наверно...

Притыкин. И выпить любят, я полагаю... а?

(Уходят. Дунькин муж является.)

Матвей. Это они инженеров встречать собрались?

Дунькин муж. На ярмарку ходили в село... для прогулки. Но, конечно, которые люди с деньгами, они всякому нужны...

(С правой стороны является Лидия Павловна в амазонке с хлыстом.)

Лидия Павловна. Послушайте, – будьте добры подержать мою лошадь, я вам заплачу...

Матвей. Ладно... я могу...

Лидия Павловна. Пожалуйста... *(Уходит направо.)*

Матвей. Эх ты... какая!

Дунькин муж *(завистливо и беспокойно)*. Вот... кабы тебя не было, пришлось бы за лошадью мне смотреть... эх! Ежели она много даст, дай ты мне хоть пятак, а?

Матвей. А может, она всего пятак даст.

(Уходят оба направо. В саду разговаривают доктор и Веселкина.)

Доктор *(угрюмо)*. Сочиняют – в молодости... Павлин *(вставая)*. Осмелюсь заявить – святые отцы и в преклонном возрасте сочиняли...

Доктор. Ну-с?

Павлин. Больше ничего-с...

(Идут Притыкина и Надежда – женщина очень красивая, большая, с огромными неподвижными глазами. Сзади Богаевская.)

Надежда. Тогда он говорит ей: «Алиса! Моя любовь не умрет раньше меня, а пока я жив – я твой!»

Притыкин. Вон как! Наши мужчины и слов таких не знают...

Надежда *(садится на бревно).* Француз неверен, но любит страстно и благородно... Испанец в любви доходит даже до свирепости, а влюбленный итальянец обязательно ночью на гитаре играет под окном женщины, в которую влюблен.

Богаевская. Напрасно тебя, Надежда, грамоте выучили!

Надежда. Вы, Татьяна Николаевна, в таком возрасте, когда все это уже совсем неинтересно, а я...

Богаевская. А ты – только язык чешешь...

Надежда *(серьезно).* Подождите...

Притыкин. А я вам завидую, милая вы моя... Сколько вы любовных историй знаете, и какие все хорошие истории! Как сны девичьи... Где же мой Архип?

Богаевская. Лидочкина лошадь стоит...

Надежда. Познакомьте меня с ней...

Богаевская. С лошадыю?

Надежда *(серьезно).* Нет, с Лидией Павловной...

Богаевская. Вот ты, душа моя, тысячи романов прочитала, а правильно спросить не умеешь... в смешное положение

ние ставишь себя, да!

Надежда (*спокойно*). Ничего... Всяк по-своему умен.

Богаевская (*кричит и идет направо*). Лидуша!

Притыкина (*негромко*). Как она грубо с вами... ай-ай!

Надежда (*спокойно*). Дворяне с простыми людьми всегда так говорят, и даже в романах, где все описывается лучше правды, дворяне – дерзкие... Смотрите, какая она красавица!

(*Богаевская, за ней Лидия.*)

Богаевская. Вот, Лидуша, Надежда Поликарповна просит познакомить ее с тобой... (*Надежда приседает.*) Видишь, даже приседать умеет...

(*Доктор подходит.*)

Надежда. Я вас знаю... вы каждый день мимо нашего дома на лошади скачете... А я смотрю и люблюсь – точно вы графиня или маркиза... Очень красиво это.

Лидия. Я часто вижу ваше лицо в окне и тоже люблюсь им...

Надежда. Благодарю вас! Похвалу красоте своей и от женщины слышать приятно...

Богаевская. Ишь ты!

Доктор (*сумрачно*). От женщины приятнее или от мужчины?

Надежда. Как следует оценит красоту, конечно, только мужчина...

Лидия. Как вы... уверенно сказали это...

Притыкин (*кричит*). Господа! Едут! Чу!

(*Все прислушиваются, – звон бубенцов.*)

Надежда (*Лидии*). Вам интересно знать, какие они?

Лидия. Кто? Тетя, нам пора идти.

Надежда. Инженеры...

Притыкин (*выбегает*). Сейчас приедут!

Лидия (*Надежде*). Нет...

Богаевская. Устала я, Лидуша... подожди!

Надежда. А я жду их, как праздника...

Притыкина. И вдруг – они старые!

Лидия (*тетке, негромко*). Это похоже на торжественную встречу и – смешно.

Богаевская. Идем в сад... я только выпью чего-нибудь...

Идемте в сад!

(*Все идут за нею.*)

Притыкин. Приехали... а, доктор? Интересно!

Доктор (*угрюмо*). Почему? Вот если бы они пешком пришли... ну, это туда-сюда!

Надежда. Какие глупости!

Богаевская. Она хотела бы видеть их верхами, в латах, в плащах...

(*Уходят все направо, их медленный говор заглушает звон бубенцов. Справа медленно идет, заложив руки за спину, Редозубов – седой, суровый старик с черными лохматыми бровями. Останавливается, слушая шум на станции. Является Павлин, издали снимая картуз.*)

Редозубов. Здорово... ну?

Павлин. О вашем драгоценном здравии что услышу приятного?

Редозубов. У доктора спроси. Приехали? Они?

Павлин. Именно – всеми ожидаемые инженеры; один пожилой, бритый, с усами и как бы уже несколько хмелен... другой – помоложе и весьма рыжеват. При них дама – молодая, красивая, и прислуга с нею – девица франтовитая. В двух экипажах ехали, а третий с вещами и со студентом, племянником Ивакина.

Редозубов. А он как... с ними?

Павлин. Видимо, по бедности состояния приспособился из милости...

Редозубов. Лошадь – Богаевской?

Павлин. Ихняя. Она в Фокино ездила на прогулку... А теперь – у Дарьи Ивакиной туалет оправляет... Дарья-то ведь у них долго в горничных жила... а мать ее – их же ключница...

Редозубов (*угрюмо усмехаясь*). Про бабушку ничего не знаешь?

Павлин. Не припомню...

(*Притькин идет.*)

Притькин. Мое почтение, Василий Иванович!

Редозубов (*не давая руки*). Здравствуй...

Притькин. Гостей встретить пожелали?

Редозубов. На что они мне?

Притыкин. Вообще. Люди городу полезные.

Редозубов (*идет со станции*). Ну, пускай город и встречает...

Притыкин (*негромко*). Врет?

Павлин. Врут. О подряде на шпалы мечтают...

Притыкин. Ишь, старый черт! Ты, Павлин, познакомься с прислугой ихней и разузнай... вообще... как и что... понял?

Павлин. Понял...

(*Оба идут к станции; в саду являются Ивакин, обрадованный, и Степан Лукин.*)

Степан. Ну, как живешь?

Ивакин. Видишь – здоров... а еще чего же надо? А ты – желтоват... эх ты! Брандахлыст... Зачем в тюрьме сидел?

Степан. Без этого – нельзя. Это, брат, теперь всеобщая повинность, вроде воинской... А впрочем – пустяки... и ты об этом не говори, брат, – ладно?

Ивакин. Тоже – брат! Я тебе не брат, а дядя...

Степан. Ну вот еще! Какой ты дядя? Просто ты – друг моего детства... Ты смотри – у меня в некотором роде борода и грива, а у тебя еще волосы не отросли...

Ивакин. Ну-ну! Пей брагу-то... а старших почитай... (*Притыкин выбегает, оглядывается.*) Вы чего, Архип Фомич?

Притыкин. Да вот... Эй, парень, поди сюда!

Матвей. Чего?

Притыкин. Ты меня знаешь? Беги в город, ко мне, скажи, чтобы лошадей подали к перевозу и пролетку, и бричку, и телегу еще для багажа, – понял? Катай! *(Бежит к станции.)*

Матвей *(скрываясь)*. Землячок, гляди за лошадью.

Ивакин. Завертелся город Верхополье!

Степан. Что у вас с мостом?

Ивакин. Дождь шел, ну и сорвало... а голова чинить не торопится, перевоз-то в его руках... Ты знаком с инженерами-то?

Степан. Служить у них буду... А как твои пчелы? Гитара? Удочки?

Ивакин. Все в порядке...

(Идут доктор, Монахов, Дробязгин, Веселкина. Ивакин и Степан уходят из сада. На место их является Павлин, – постояв, исчезает и снова появляется во время разговора Цыганова с Дунькиным мужем.)

Монахов *(с завистью)*. А Притыкин живо познакомился, шельма!

Веселкина. Доктор, вы заметили, какой этот молодой... точно факел!

Доктор. Ну, где вы видели факелы?

Веселкина. А на похоронах... помните – князя Хрящеватого хоронили?

Дробязгин. Какие у нее глаза! Маврикий Осипович, вы обратили внимание?

Веселкина. Глупости! Глаза вполне обыкновенные...

Дробязгин. Вовсе нет! Замечательно поэтические...

Монахов. При одной даме невежливо говорить о красоте другой дамы... вот что!

Доктор. Противно. Бросились все... как осенние мухи на огонь...

Притыкин (*кричит*). Доктор! Пожалуйста сюда...

Доктор. Зачем это?

Притыкин. По специальности... нужно...

Доктор (*идет*). Ерунда...

Монахов (*с завистью*). Вот и вы, батя, познакомитесь...
(*Веселкина идет вслед за Доктором, навстречу ей – Цыганов, изящно одетый барин, немного хмельной; она смущается и почему-то резко отворачивается от него. Цыганов вопросительно поднял брови. Дробязгин кланяется ему.*)

Цыганов (*дотрагиваясь до шляпы*). Мое почтение... с кем имею честь?

Дробязгин (*смущен*). Порфирий... то есть служащий в казначействе Порфирий Дробязгин... чиновник-с!

Цыганов. А-а! Очень приятно... Скажите – в этом городе гостиница есть?

Дробязгин. Есть... с биллиардом! Прогимназия есть... женская...

Цыганов. Прогимназия? Благодарю вас, это мне не так необходимо... А извозчики есть?

Дробязгин. Три! Около церкви стоят.

Цыганов (*смотрит на город*). Не услышат, если позвать?

Дробязгин (*улыбаясь*). Где же-с! Тут – расстояние...

Дунькин муж (*с левой стороны*). Ваше благородие! Помогите больному и несчастному...

Цыганов (*доставая монету*). Пожалуйста... извольте!

Дунькин муж (*вздрагивая от радости*). Дай вам господи... пошли вам... (*Захлебнулся и исчезает.*)

Цыганов. Пьет?

Дробязгин. Нет. Действительно несчастный... болен и... вообще... жена у него сбежала...

Монахов (*подходя*). Извините, что смею...

Цыганов. Пожалуйста...

Монахов. Маврикий Осипович Монахов, акцизный надзиратель...

Цыганов. Весьма польщен... Сергей Николаевич Цыганов...

Монахов. Гостиница – грязная, позволю сообщить вам, и в ней клопы...

Дробязгин. Несомненные... и – множество!

Монахов. Вам надо снять дом Богаевской, лучший дом в городе... знаете, такой барский! Кстати, она здесь еще, кажется... Я вам сейчас устрою это... (*Быстро идет; навстречу ему Анна Федоровна и Степа.*)

Цыганов. Но позвольте... вы так любезны... Послушайте!

Дробязгин (*срываясь с места*). Сейчас я его ворочу...

Цыганов. Да нет же! Это неловко!.. Убежал!

Анна. Что такое?

Цыганов. Они здесь любезны... как истинные дикари! Могу вас поздравить: в городе нет гостиниц... то есть гостиница есть, но она – занята клопами.

Анна. И трудно попасть в этот город... что-то случилось с паромом...

Цыганов (*манит пальцем*). Послушайте... подите сюда! (*Является Дунькин муж.*) Скажите – есть в вашем городе что-нибудь... замечательное?

Дунькин муж. Раки-с... огромные раки!

(*Степа пристально всматривается в него.*)

Цыганов. Это недурно... иногда. Но ведь они, вероятно, в реке живут, а не в городе?

Дунькин муж. Да... в реке. Живые – они в воде.

Степа (*тихо*). Анна Федоровна... вот он!

Анна. Кто?

Степа. Отец мой... отец... как же быть?

Цыганов. А что же есть в городе?..

Дунькин муж. Пожарные играют на трубах... на медных трубах... Акцизный научил.

Анна. Молчите... встаньте сзади меня...

Цыганов. Громко играют?

Дунькин муж. Во весь дух!

Степа. Я уйду туда... на станцию... он не видел меня...

Цыганов. Это меня не утешает... нет! Ну, благодарю вас... возьмите себе вот это.

Дунькин муж. Ваше высокородие... *(Хочет поцеловать руку.)*

Цыганов *(брезгливо).* Это лишнее, мой друг... идите!

Степа *(глядя вслед отцу).* Нищий... Я говорила вам, что встречу его... что мне нельзя сюда ехать... я говорила!

Анна. Вы успокойтесь! Я все устрою для того, чтобы он не трогал вас.

Степа. Я боюсь... он замучил мать... нищий!

Цыганов. В чем дело – можно спросить?

Анна. Это ее отец...

Цыганов. О-о! Это оригинально...

Анна. Только? Идите, Степа, на станцию...

Цыганов. Мы не дадим вас в обиду...

Черкун *(кричит, не показываясь).* Анна! Иди сюда... Анна!

Цыганов *(смотрит по направлению голоса).* С кем он говорит? Позвольте... черт меня побери! Не может быть...

Анна *(идя на зов).* Что с вами?

Цыганов *(радостно простирая руки).* Лидия Павловна, это вы? Вы!

Лидия *(идет навстречу).* Дядя Серж.

Цыганов. Вы! Здесь, в этой Огненной Земле, у дикарей! Почему?

(В саду – Веселкина. Она гуляет, обмахивая лицо цветами. Потом приходит Дробязгин, и они ходят рядом, прислушиваясь к разговору.)

Лидия. Я приехала к тетке... рада видеть вас! Но вы, как всегда...

Цыганов. Таков мой рок! Первое знакомство на этой земле – акцизный!

Лидия. Дама – ваша жена?

Цыганов. Моя? У меня не было и не будет собственности... А где же ваш почтеннейший супруг?

Лидия. Не знаю, право... это меня интересует меньше всего...

Цыганов. Понять ли ваш ответ?.. браво! Вы разошлись, наконец? Да?

Веселкина (*слышала восклицание Цыганова*). Ну-с? Чья правда?

(*Дробязгин смущенно ежится.*)

Лидия. Не надо шуметь...

Цыганов. Вы уже познакомились с моим товарищем?.. Жорж, иди сюда... Это мужчина интенсивно рыжий и очень дерзкий... Ты знаешь, кто это, Жорж? Ты помнишь, я говорил тебе всегда и много о женщине...

Черкун (*пожимая руку*). Да, помню... Действительно, он часто говорил о вас...

Лидия. Это меня трогает...

Черкун. Но я не ждал, что встречу вас когда-нибудь... тем более в этой области мертвого уныния...

Лидия. Вам не нравится город?

Черкун. Я не люблю пасторалей.

Цыганов. Он любит только скандалы...

(В саду является Надежда, стоит и упорно смотрит на Черкуна. Неподвижна, как статуя, лицо у нее каменное.)

Черкун. Маленькие домики прячутся в деревьях, точно птичьи гнезда... Это до тоски спокойно... и до отвращения мило... И ужасно хочется растрепать эту идиллию.

Цыганов. Ты познакомь ее с женой.

Черкун. Ах да! Вы позволите?

Лидия. Пожалуйста... Но как вы... резко отнеслись к бедному городу...

Цыганов. Теперь-то, я знаю, вы оцените нежность моей души и все другие мои достоинства...

Черкун. Все, что я вижу, – сразу нравится или не нравится мне.

Цыганов. У него – никаких достоинств!

Лидия. Человек из одних недостатков – это уж нечто определенное...

Цыганов *(заметил Надежду)*. Гм... Да познакомь же ее с твоей женой, Жорж!

Черкун. Анна! Вот ей, вероятно, нравится эта милая картина... она у меня любит покой, тишину, любит мечтать...

Лидия. Многие в этом видят поэзию...

Черкун. Труссы, лентяи, усталые...

Цыганов. Кто эта почтенная матрона, с которой идет сюда твоя жена?

Лидия. Это моя тетья...

Черкун. Знакомься, Анна.

Богаевская. Вот, Лидуша, представляю... они сняли у меня большой дом...

Анна. Я очень рада... что все устроилось так быстро и хорошо.

Цыганов. Да здравствует акцизный надзиратель! Это он – виновник торжества...

Лидия. Тише, – в саду его жена...

Цыганов. Это его жена?.. Гм... (*Рассматривает Надежду.*)

Анна. Но я так устала... хотелось бы скорее приехать куда-нибудь...

Богаевская. Сейчас подадут паром...

(*Надежда медленно уходит.*)

Черкун. А на берегу – нас уже дожидаются лошади этого купца... как его?

Богаевская. Притыкин... Лидуша, я поеду в лодке... распоряжусь там... надо для них...

Анна. О, не беспокойтесь...

Черкун. Мы не беспомощны...

Лидия (*тетке*). Подожди! (*Анне.*) Вы ездите верхом?

Анна. О нет!

Лидия. Жаль. Я хотела предложить вам мою лошадь... Там, выше по реке, есть брод...

Анна. Благодарю вас... Я боюсь лошадей... Я видела однажды, как лошадь убила мальчика... С той поры мне кажет-

ся, что всякая лошадь хочет убить человека.

Лидия (*улыбаясь*). Но в экипажах вы ездите? Не боитесь?

Анна. Нет, не так. Там впереди меня сидит кучер или извозчик.

Черкун. Может быть, это очень трогательно, Анна, но ей богу... неостроумно!

Анна. Я вовсе не пытаюсь быть остроумной...

Цыганов (*Лидии*). Итак, я снова вижу вас!..

Черкун. Иногда следует попытаться, знаешь ли!

Цыганов. Ведь это почти чудо, а?

Лидия. А может быть, это только доказательство, как тесна жизнь?

Богаевская (*Анне*). Вы посмотрите, какой нарядный городишко... (*Отводит Анну ближе к плетню.*)

Цыганов. Вы стали еще красивее... И что-то новое явилось у вас в глазах...

Лидия. Вероятно, это скука...

Черкун. Вам скучно?..

Лидия. Мне кажется – жизнь вообще не очень весела.

(*Идет Редозубов со стороны станции. Подходит, останавливается, кашляет. Его не замечают. Поднимает руку к фуражке, – быстро опускает ее, как бы испугавшись, что это движение замечено.*)

Черкун. Не ожидал, что вы так скажете...

Лидия. Почему?

Черкун. Не знаю... Но мне казалось – вы иначе должны

смотреть на жизнь...

Лидия. Что такое жизнь? Люди. Я много видела людей, они однообразны...

Редозубов. Я – здешний градской голова... Василий Иванов Редозубов... голова.

Черкун (*холодно*). Что же вам угодно?

Редозубов. Я к старшему. Вы – начальник?

Цыганов. Мы оба начальники, – можете это представить?

Редозубов. Все равно. Вам лес на шпалы понадобится?

Черкун (*сухо*). Милейший, о делах я буду говорить через неделю, не раньше...

(*Пауза.*)

Редозубов (*удивлен*). Вы... может, не того...

Черкун. Что?

Редозубов. Я сказал... я, мол, голова здешний...

Черкун. Я это слышал... ну-с?

Редозубов (*сдерживая гнев*). Мне шестьдесят три года... я староста церковный... весь город мне подчинен...

Черкун. Почему вы думаете, что мне нужно знать все это?

Цыганов. Почтеннейший! Когда мы несколько придем в себя – мы обязательно примем во внимание все ваши редкие качества...

Черкун. А пока оставьте нас в покое. Когда будет нужно – мы вас позовем!

(*Редозубов, смерив Черкуна гневным взглядом, молча идет прочь.*)

Анна. Зачем ты... так обидно, Егор? Он же старый...

Черкун. Нахал! Я знаю таких... Это не голова, а – пасть...

глупая и жадная пасть... я знаю...

Цыганов (*Лидии*). Как вам нравится этот рыжий буян?

Лидия (*сухо*). По совести – не очень.

Богаевская. Лида, нужно идти.

Анна. Мой муж всегда немного резок... но в сущности...

Черкун. Он мягок и добр, – ты это хотела сказать? Не верьте ей... Я именно таков, каким кажусь...

Лидия. До свиданья... Ой! Этот человек не умеет обращаться с лошастью... (*Быстро идет направо, за ней Богаевская.*)

Богаевская. Так мы вас ждем...

Цыганов. Благодарим и не замедлим...

Анна. А где этот студент... наш студент?

Черкун (*смотрит на город*). Не знаю.

Анна. Можно его попросить, чтобы он посмотрел за вещами, как ты думаешь? Степе – неудобно...

Черкун. Он – не лакей...

Цыганов. Жорж! Ты смотришь на этот город, как Атилла на Рим... До чего все измельчало на свете!

Черкун. Отвратительный городишко... У этой женщины были любовники?

Цыганов. Однако, брат... это вопрос!

Анна. Егор! Фи!

Черкун. Что? Ты шокирована? Ты не знаешь, что многие

женщины имеют любовников?

Анна. Об этом не говорят так...

Черкун. Они не говорят, я – говорю. Это безнравственно?

Анна. Неприлично и... грубо.

Черкун. Я думал – безнравственно. Были, Сергей?

Цыганов. Не знаю, мой друг. Не допускаю... И если мне скажут про нее что-нибудь... в этом роде – не поверю...

(Идут Притыкин, Дунькин муж.)

Притыкин. Пожалуйте, готово! Вещи ваши унесли на паром; прошу покорно!

Цыганов. Благодарю вас! Захлопотались вы, а?

Притыкин. Помилуйте!.. Пустяк... к тому же долг гостеприимства...

Цыганов. Вы – милейший человек, право! А скажите – что у вас здесь пьют?

Притыкин. Все!

Цыганов. А что предпочитают пить?

Притыкин. Водку...

Цыганов. Вкус грубый, но – здоровый...

(Проходят.)

Черкун *(Анне).* Идем...

Анна *(берет его под руку).* Почему ты вдруг стал такой... сумрачный? Скажи!

Черкун. Я устал...

Анна. Это неправда... ты никогда не устаешь...

Черкун. Ну, так влюбился...

Анна (*тихо*). Зачем так грубо, Егор? Зачем?

Дунькин муж (*подходит*). Ваше сиятельство...

Черкун. Пошел прочь...

Анна (*дает монету*). Возьмите...

(*Уходят.*)

Матвей (*выскакивает*). Сколько дала?

Дунькин муж. Двугривенный. А всего мне попало рубль двадцать...

Матвей. Эх ты... А мне – два пятака...

Притыкин (*кричит*). Эй, парень!

Матвей. Бегу... (*Убегает. Через плетень лезет Павлин.*)

Павлин. Рубль двадцать, говоришь?

Дунькин муж (*робко*). Рубль двадцать.

Павлин. Покажи-ка... Н-да, верно... А за что? а? На, паршивец! Ступай... Стой! Сказал бы я тебе одну штучку... сказать?

Дунькин муж. Помилуйте, Павлин Савельич...

(*Редозубов идет.*)

Павлин (*строго*). Иди, иди! Чего трешься тут?

Редозубов. Ушли?

Павлин. Ушли...

Редозубов. С девицей ихней о чем говорил?

Павлин. Вообще... но ничего не мог... Я даже рубль ей дал.

Редозубов. Зачем? Она может сказать, что ты подкупал ее...

Павлин. Я – мысленно дал, Василий Иванович... Я только подумал – а что если я ей дам рубль? И решил – не поможет! Избалованная девица... (*Редозубов смотрит на город, не слушая.*) Василий Иванович! А ведь она – беглая, Дунькина мужа дочь... сама в этом созналась...

Редозубов (*вдруг, строго*). А ты знаешь, что мне сам губернатор руку подает?

Павлин (*благоговейно*). Как же не знать! Это все знают... (*Пауза. Из окна доносится голос Степана.*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.